

Б.А. ЖЕЛЕЗНЯКОВ

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ВЕРХНИХ СЛОЕВ ГОРОДИЩА ЖУАНТОБЕ

Городище Жуантобе расположено в среднем течении р. Арыси на юго-восточной окраине современного аула Кольтоган (бывш. Мамаевка) в Ордабасынском районе ЮКО. Долина реки стала густозаселенной, как минимум с рубежа старой и новой эр, что хорошо фиксируется по археологическому материалу. Памятник находится в удобном, специально выбранном для значительного городского центра, в расширении (первом значительном) долины р. Арыси (на краю ее старицы). Оценивая топографию городища, результаты археологических раскопок, можно утверждать, что город был хорошо обустроен: имел организованную систему фортификации цитадели и шахристана с внешним рвом и подводившим речную воду со старицы через канал. Городище, датируемое первыми веками н.э. — нач. IX в., имеет соответствующую топографию, которая характеризует значительные культово-административные центры периода первых веков н.э. региона в целом. Крупнейший на юге Казахстана Борижарский могильник, расположенный в непосредственной близости к городищу, также однозначно свидетельствует о насыщенной культово-поминальной стороне жизни, в прошлом на городище. Учитывая, значительное место в культовой сфере поминально-погребальной обрядности, хорошо зафиксированной и, в значительной мере реконструированной, вполне очевидно, что и другие культы отправлялись регулярно, с не меньшей помпой, однако об их реконструкциях доподлинно судить пока преждевременно.

Памятник притягивал археологов, представителей других исторических дисциплин с самого начала научного изучения долины р. Арысь, которое было положено в 1893 г. Н.П. Остроумовым. В частности, упоминается, что в 1893 г. при возведении межевого знака на городище был рас-

копан керамический дастархан на трех ножках и обломки жерновов. На расположенном неподалеку от городища Караултобе тогда же был найден клад, состоящий из 1800 серебряных и свыше 4000 медных монет «с буквами куфического письма», а также жемчуг, фрагменты сердолика, 2 серебряных браслета и другие украшения¹.

Городище включает цитадель — возвышенный холм подквадратной в плане формы с определенной погрешностью, ориентированный по сторонам света, со следами въезда-пандуса в ее северо-западном углу. Высота цитадели — около 16 м, основание — 145х130 м, размеры верхней площадки 85х75 м. Общая площадь городища с шахристаном — около 13 га. Очевидно, что структура городища, состоящего из цитадели, окруженной, так называемым «кольцевым» рабадом вызывала постоянный интерес у исследователей. Городище исследовалось в 50-х годах Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем. Е.И. Агеева заложила небольшой раскоп на цитадели, Г.И. Пацевича снял ручной план городища. На основании полученного материала памятник датировался ими VI — XII вв.²

Исследования памятника на новом этапе начались в 1988 г. археологом А.Н. Грищенко, возглавлявшего экспедицию областного историко-краеведческого музея. В результате проведения тогда раскопок, закладки шурфов на цитадели и рабаде, были выявлены культурные слои, датируемые III — V вв. н.э.³ Тогда же были выяснены параметры городища, проведены аэрофотосъемки городища Жуантобе и Караспан и Борижарского могильника, а также проведены съемки топографии Жуантобе в 1989 г.

В дальнейшем нижние слои памятника (раскоп № 5 на шахристане 2005–2006 гг.) были датированы первыми веками н.э., не позднее III в. (датировались по керамике в стратиграфических

¹ Остроумов Н.П. Археологическая поездка в селение Мамаевку Чимкентского уезда // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1899. № 4. — С. 118–137.

² Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т.1. Алма-Ата. 1956. С. 51–57.

³ Байпаков К.М., Буяков Ю.Ф. Раскопки на цитадели Жуантобе. Полевой отчет 2004 г. // Архив И.А. Опись 2, дело № 2654.

⁴ Грищенко А.Н. Отчет об археологических раскопках городища Жуантобе и Борижарского могильника Бугунского района Чимкентской области в 1989г. — Чимкент, 1990. — // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

шурфах, среди значительных накоплений остатков жертвоприношений и трапез)⁴.

В 2005–2006 гг. Жуантобинским археологическим отрядом ЮККАЭ были проведено вскрытие ритуально-поминального комплекса на шахристане городища⁵. В 2005 г. с применением лазерного тахеометра сняты топопланы городищ Жуантобе и Караспана (рис. 5–6). Разделение 3 СГ на верхний и нижний уровни (общей толщиной слоя 1,7–1,8 м) было зафиксировано еще при закладке стратиграфического шурфа, где это фиксировалось по золистому слою разной толщины от 1–2 до 7–8 см. В 2007 г. Б.А. Железняковым и Т.В. Беляевой⁶ был частично вскрыт верхний уровень III строительного горизонта. Вскрытие жилых помещений этого слоя раскопа № 6, занимающего площадь немного более 1000 м², по уровню верхнего пола 3 строительного горизонта было закончено в 2008 г. Б.А. Железняковым. В 2009 г. работы были продолжены по вскрытию нижнего уровня 3 СГ, однако из-за значительной площади (более 1000 м²) не были доведены до конца за один сезон, остались не-вскрытые участки. Небольшой раскоп 2008 г. на внешней стене шахристана, вскрывший хорошо сохранившееся основание стены с внутренним коридором (сохранилось 40–50 см высоты внешней стены и до 60 см с внутренней) утвердил нас в том, что она была воздвигнута в античное время (в первые века н.э.). Сохранившаяся структура стены была описана и задокументирована.

Мощная стена цитадели неоднократно ремонтировалась и надстраивалась, по крайней мере, в ее северной части, где был заложен стратиграфический шурф 2004 г., продолживший изучение стратиграфии А.Н. Грищенко, который не успел довести его до конца. Раскопками были вскрыты лишь верхние участки поздних стен. Попытки датировки их, в частности по размерам кирпичей, приведены в полевом отчете 2008 г.⁷ Стратиграфический шурф 2004 г. не был дове-

ден до материка, сразу, в том числе и потому, что уже тогда стало ясно, что он вскрыл бы лишь основание пандуса въезда, который пришлось поднимать синхронно с ремонтами и надстройками стен, осуществленные во второй половине VII в. в связи с повышением культурных слоев. Это было подтверждено в 2006 г, когда шурф все же был доведен до материка, однако вскрыл лишь забутовки пандуса. Следы ремонтов и перестроек северной стены на участке между въездом и северо-восточной угловой башней были выявлены в результате раскопок 2007 г.⁸.

Назначение раскопанных на цитадели помещений в качестве жилых последовательно прослеживалось при их раскопках с верхнего уровня, сохраняясь неизменным. Несмотря на значительное количество мусорных ям, наблюдаемые следы от отдельных небольших перепланировок, основа планировки этих помещений была также сохранена. Стратиграфия помещений в целом совпадала с уровнями, которые были выявлены в стратиграфическом шурфе, исследовавшемся в 2004 г.⁹ В 2009 г. на цитадели городища Жуантобе проводились археологические раскопки III строительного горизонта (СГ). Культурные слои его состоят из остатков жилых помещений, которые датировались до сих пор, главным образом, по керамическому материалу VII–VIII вв. Стратиграфическая ситуация была достаточно сложной. Раскопки верхнего (практически не сохранившегося) и второго уровня в раскопе № 6, о котором идет здесь речь, был вскрыт частично А.Н. Грищенко в 90-х гг. Затем на большей площади этот уровень изучался в 2004 г., раскоп № 4¹⁰. Позже раскопы были объединены и получили порядковый № 6 на уровне 3 СГ.

Вскрытые в раскопе жилые помещения имели подквадратную форму, преимущественно однокомнатные (одно — двухкомнатные), относительно большой площади 25–35 кв. м. Стены, имели значительную толщину от 0,6 до 1,2–1,4 м, были выложены из прямоугольной формы сыр-

⁴ Железняков Б.А., Беляева Т.В. Исследования городища Жуантобе, предварительные итоги работ в 2005 г. // Известия НАН РК, сер. Обществ. наук. Алматы, 2006, № 1(252), с. 154–171.

⁵ Железняков Б.А., Беляева Т.В. Исследования городища Жуантобе, предварительные итоги работ в 2005 г. // Известия НАН РК, сер. Обществ. наук. Алматы, 2006, № 1(252), с. 154–171.

⁶ Железняков Б.А. Об археологических исследованиях на городище Жуантобе в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. — Алматы, 2008. С. 236–240.

⁷ Отчет об археологических исследованиях городища Жуантобе в 2008 г. // Архив ИА. Опись 2, дело № 2847.

⁸ Железняков Б.А. Об археологических исследованиях на городище Жуантобе в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. — Алматы, 2008. С. 236–240.

⁹ Байпаков К.М., Бураков Ю.Ф. Раскопки на цитадели Жуантобе. Полевой отчет 2004 г. // Архив И.А. Опись 2, дело № 2654.

¹⁰ Байпаков К.М., Бураков Ю.Ф. Раскопки на цитадели Жуантобе. Полевой отчет 2004 г. // Архив И.А. Опись 2, дело № 2654. (Работы проводились Р.К. Шербаевым и С.А. Дудаковым).

цового кирпича, традиционного для этого времени размера. Жилища были распланированы таким образом, что имели входы из общего коридора и на территории раскопа № 6 располагались в три ряда и сообщались между собой обходным коридором. Внутри помещений имелись пристенные суфы, обычно расположенные — одна широкая — у одной стены или располагались углом у двух стен, более узкие. В помещениях имелись различные очаги, в том числе и в середине помещений имелись прокалы от переносных отопительных очагов. В каждом помещении имелся пристенный очаг, обычно располагавшийся поблизости от входа и следы от переоборудованных разновременных очагов поблизости. Иногда очаги устраивались в нешироких стенках, разделявших два жилища. Отдельное помещение служило местом приготовления пищи, там были вскрыты два огромных очага тандырного типа со значительным прокалом и количеством золы. Особенностью планировки помещений являлось то, что стены более поздних уровней стратиграфически продолжали стены более ранних уровней, имея в них надежное основание, верхние части стен обрушались и укладывались на пол, затем надстраивались. Средняя высота одного такого «шага» была от 0,7 м до 1 м, что определялось значительной толщиной стен.

Стоит заметить, что в трех помещениях из 18 раскопанных были отмечены следы разрушений. В помещении 3 горшок (рис. 1) с рисовой кашей был завален сырцово-глиняной стеной. Он так и сохранился стоящим на углях, находившихся внутри отколотого от основной части дне хума. В помещении 7 скульптурка из терракоты, очевидно, была завалена. Следов пожара в них зафиксировано не было. В помещении 10, расположенном на гребне стены, было найдено каменное ядро, также массивный трехгранный железный наконечник, следов особых разрушений здесь заметно не было (воз-

можно по причине того, что строительный мусор было удобно выбрасывать с пятнадцатиметровой высоты стены). А в помещении 17 весь пол был покрыт углями, очевидно, от сгоревшего перекрытия. Курильница с изящным резным орнаментом была найдена упавшей, с отколотым фрагментом резервуара в горизонтальном положении, на краю суфы, по ее центру напротив входа (рис. 2).

Очевидно, что жизнь в трех разрушенных помещениях продолжилась уже на следующем стратиграфическом уровне сразу, без уборки помещений, которая, по-видимому, была произведена в основной части помещений, поскольку в них разрушения не были катастрофическими. Следует, что в большинстве своем, тонкая прослойка (золистая) между двумя полами ЗСГ, зафиксированная в стратиграфическом шурфе, заложенном при въезде на цитадель, хоть и не фиксируется повсеместно, поскольку в основной части помещений была произведена их уборка, однако следы пожара и разрушений прослеживаются в трех вскрытых помещений по этому горизонту, а также в стратиграфическом шурфе. В других же помещениях если и были разрушения и следы пожара, то они не зафиксированы. Следует предположить два варианта развития событий: 1) либо разрушений и пожара в них не было, а наблюдаемые нами следы затрагивали лишь некоторые из помещений; 2) либо эти разрушения имели место и в других помещениях, но были убраны в результате ремонта. В том же помещении № 17 при зачистке пола среди заполнения с углями найдена целая ангобированная кружка (рис. 3) с изображением тамговидного знака и «пюргешского» вида монета (фото 1). Параллельно проводившееся вскрытие заполнения культурного горизонта в помещении 14 выявило еще четыре серебряные монеты (3 целых и один фрагмент). Металл монет очень хрупкий. После чистки выяснилось, что это сасанидские драхмы. Приведем атрибуцию найденных в слое монет.

Рис. 1. Горшки с так называемым «кангарским орнаментом»

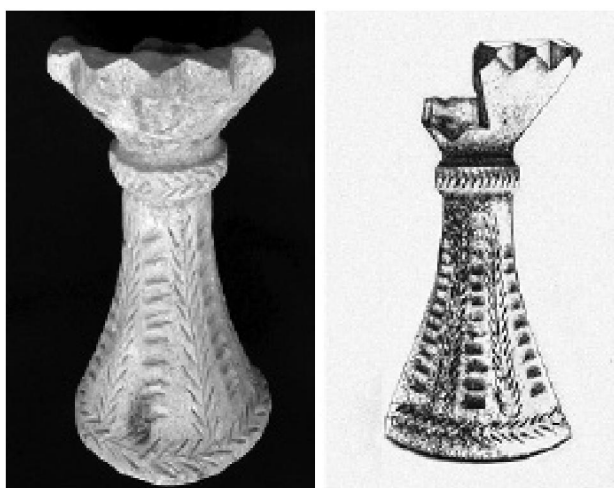

Рис. 2, 2.1. Курильница с зубчатым краем чаши и резным орнаментом поддона

1. *Династия неясна.* Монета, литая с квадратным отверстием в центре (по форме напоминают тюркешские¹¹). Поверхность сильно корроз-

зирована, надписи и изображения не идентифицируются (фото 1).

Вес – 2,63 гр., диаметр – 26-27 мм.

2, 3 монеты – династия Сасанидов¹².

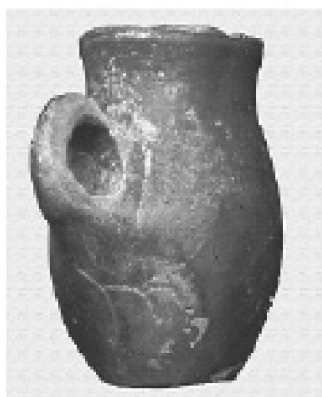

Рис. 3 Кружка с петлевидной ручкой и тамгой снизу, справа от нее

Рис. 4. Фрагмент боковины котелка, орнаментированного рельефным «ковровым» орнаментом

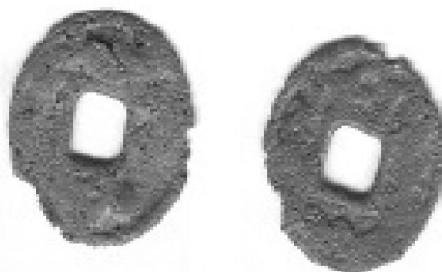

Фото 1. Монета тюркешского типа

¹¹ Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981, с. 61; Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья // История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана. Бишкек, 2002.

¹² Автор статьи выражает признательность за атрибуцию сасанидских и арабо-сасанидских монет Константину Валерьевичу Кравцову – начальнику сектора в отделе нумизматики ГЭ, Петрову Павлу Николаевичу, – к.и.н., профессору РАН, ИС Института истории им. Ш. Марджани АН Татарстана за научные консультации по нумизматическому материалу.

Фото 2

Фото 3

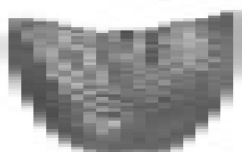
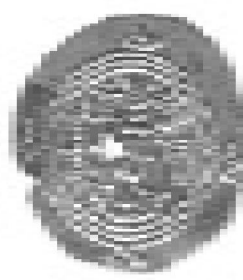

Фото 4

№2. Хосров II, 30 год правления/620-21 гг. Монетный двор (?). Монограмма монетного двора видна не полностью Н... [возможно, это НВ(?)] (фото 2). Вес — 3.3 гр., диаметр — 33-31 мм

№3. Хосров II(?) или Йаздгард III(?), монетный двор (?), год правления стерт (Йаздгард III (632-651) — последний в списке персидских шахов). Изображения на монете существенно повреждены, поэтому установление эмитента возможно лишь по виду короны, которая, однако также просматривается не столь хорошо. Монограмма монетного двора D(L?).... — остальные буквы плохо просматриваются (фото 3). Вес сохранившейся части — 2.42 гр., диаметр — 30 мм

4 и 5 монеты - Арабо-сасанидский тип драхм.

№ 4 и 5. (фото 4, 5 соответственно). Драхмы с именем Йаздгарда III. 20 год йазд.э./651-52 гг., монетный двор - BN.

Л.с. В поле слово куфическим шрифтом: *джайд* (= превосходный, хорошего качества).

О.с. Монограмма монетного двора BN. На данный момент Ст. Албум относит эту аббревиатуру к г. Бамм в провинции Керман. Вес трех фрагментов монеты 5 3,12 гр., диаметр — 32-30 мм. Вес сохранившихся фрагментов 4-ой монеты 1,31 гр.

Возможно, эти две монеты являются продуктом позднейшего копирования - результатом частного выпуска, место и время чеканки, кото-

рых совершенно не соответствуют информации на монетах (мнение К.В. Кравцова, которое разделяет и автор этой статьи).

Наиболее проблемным вопросом при изучении памятника являлась (по-возможности, как можно более точная) датировка слоев трех строительных горизонтов. До сих пор это возможно было сделать только по керамике и двум монетам, происходящего с верхнего горизонта. Можно было бы ожидать, что обнаруженный в ходе раскопок 2009 г., нумизматический материал позволяет конкретизировать датировку III СГ, сделать её более достоверной и убедительной. Обычно археологический слой датируется памятниками нумизматики по младшей датированной монете. Как же датируются эти монеты в данном случае, и как они характеризуют хронологию сохранившегося их слоя?

Монета «тюркешского» вида может быть датирована приблизительно, поскольку не несет в своих легендах не только года выпуска, но и сами легенды прочесть не представляется возможным. Эту монету можно датировать лишь в широких пределах: середина VII — первая половина VIII века, т.е. этот экземпляр не позволяет уточнить хронологию третьего строительного горизонта.

Младшими монетами сасанидского типа являются драхмы Йаздгарда III середины VII века. Но они были изготовлены однозначно позднее, чем в середине VII века (т. е. младшие монеты не несут на себе точного года выпуска), когда уже

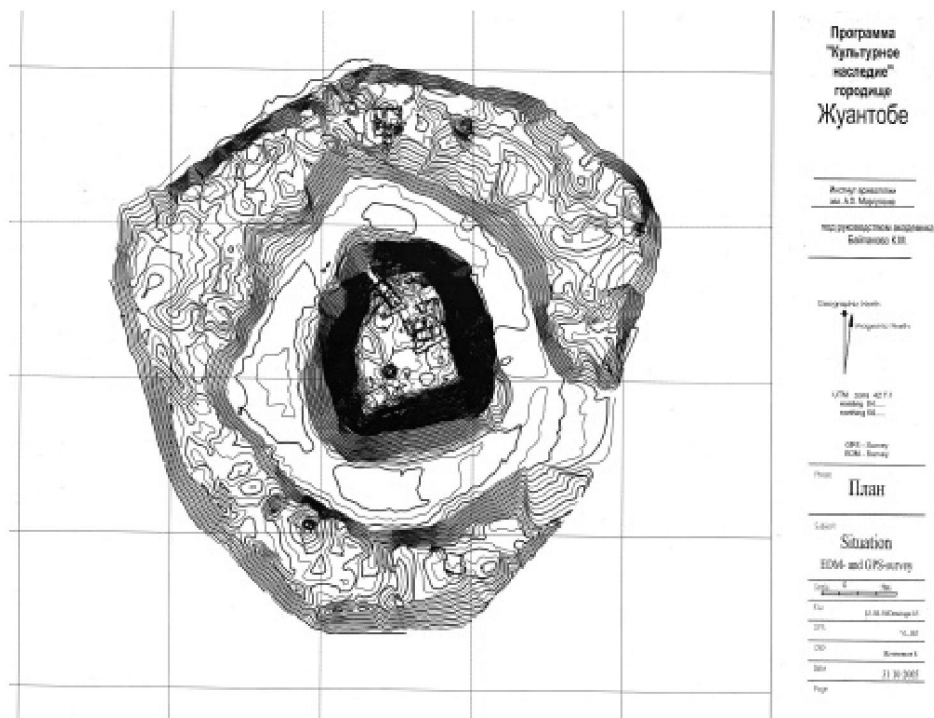

Рис.5. Топоплан городища Жуантобе

отгремели бои с арабскими завоевателями, но прежние привычные монетные типы еще не были заменены новыми, исламского вида (называемыми куфическими дирхемами). Этот процесс начался примерно в 760-е – 790-е годы н.э. Однако надо полагать, процесс этот длился не одно десятилетие и подобные подражания сасанидским драхмам, как и сами сасанидские монеты, могли еще иметь хождение (пусть ограниченное) даже в 790-е годы. Это кажется справедливым тем более, когда речь идет о столь удаленном от центра Мавераннахра (северном) регионе, в котором и расположен изучаемый памятник. Отметим, что проблемы с датировкой арабо-сасанидских местных выпусков монет возникают не в первый раз, и пока этот вопрос совсем не разработан¹³. В целом регион не избалован нумизматическими находками этого времени. Известна находка 2004 г. сасанидской монеты (скорее подражания или медальона с портретом шаха, выполненного в форме монеты), и происходит со стратиграфического шурфа на шахристане городища Караспан, продатировавшей слой второй половиной

V в. Известна также монета с изображением шагающего льва со 2 СГ городища Жуантобе. Обе монеты определены Р.З. Бурнашевой, за что ей приносим особую благодарность¹⁴. Поэтому предлагаемая здесь датировка изучаемого памятника имеет широкие хронологические границы.

Среди достаточно многочисленного керамического материала, который частично уже опубликовался¹⁵ (научная же публикация готовится), хотелось бы отметить курильницу с резным орнаментом и зубчатым краем чаши резервуара, найденную в одном из исследованных помещений. Настоящая курильница имеет прямые аналогии в близких по дате слоях на памятниках Согда и Семиречья¹⁶. Вероятно, этот тип курильниц может восходить к более ранним курильницам с чашеобразным резервуаром на ножке, по краю которого проходит зубчатый налп, а корпус чаши также покрыт сосцевидными налепами. Курильницы такого типа наиболее широко были распространены в Южном Согде. Они также встречаются и в Бухарском Согде. К примеру, половина резервуара крупной курильницы, украшенной

¹³ Здесь намеренно публикуются изображения монет с расчетом, что в будущем наша датировка может быть уточнена.

¹⁴ Железняков Б., Шербаев Р. О чем рассказали монеты // «NOMAD Kazakhstan» Алматы, 2007, № 6(18). С. 68-78.

¹⁵ Железняков Б. Керамика Арысы доисламского времени // «NOMAD Kazakhstan» Алматы, 2007, № 5(29). С. 60-69.

¹⁶ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. — Ташкент, 2000, рис.181;

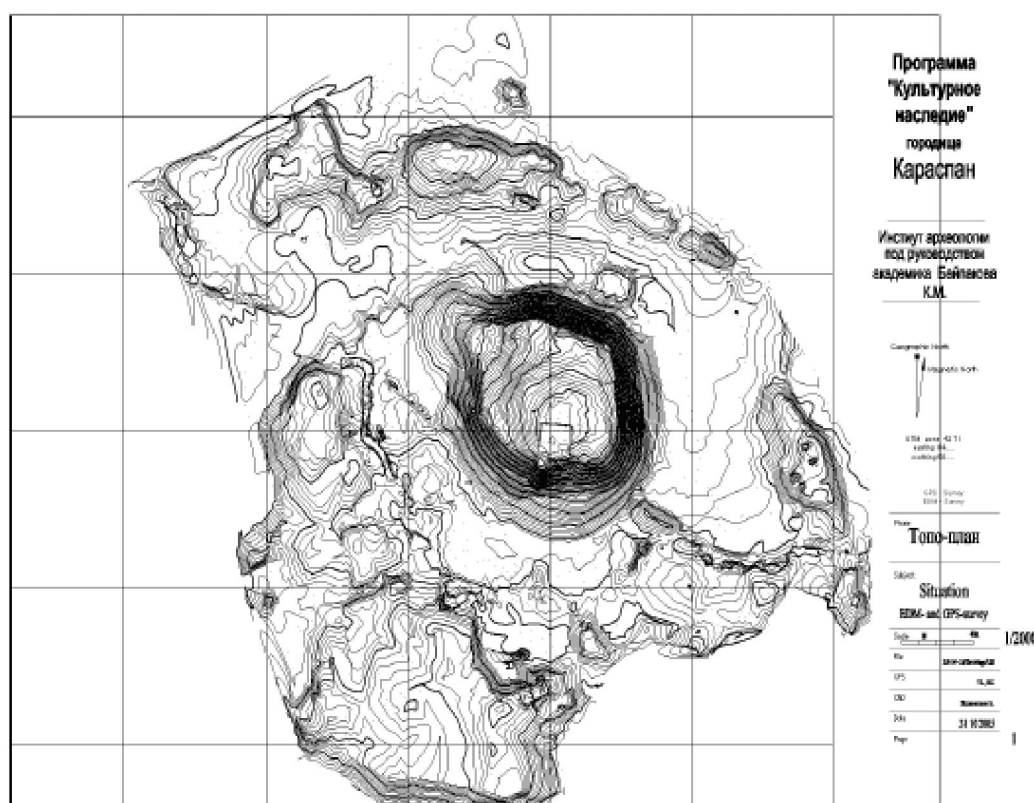

Рис. 6. Топоплан городища Караспан

налепами, а также более мелких фрагментов, близких по оформлению верхней части резервуара курительниц, были найдены в слоях VI-VII вв. в Пайкенде¹⁷. Но наиболее ранние прототипы таких курительниц известны на Арыси на памятниках рубежа эр.¹⁸

Городища Жуантобе и Караспан, очевидно, испытали сходную историческую судьбу в доисламское время, о чем может свидетельствовать их сходная структура. На отснятых в 2005 г. топопланах этих памятников заметны сходство и различия, причем сходство черт относится к периоду от первых веков н.э. до VIII в., когда они сосуществовали. С IX в. Караспан (Арсубаникет) стал единственным крупным — центральным городищем средней Арыси. Наличие кольцевого рабада — шахристана фиксируется и у некоторых других крупных городищ региона, что прослеживается по их планам и космоснимкам, что является отдельной темой. Если античное и раннесредневековое городище Жуантобе представляет своего рода классическое доисламское админис-

тративно-культовое сооружение — кольцевой шахристан и цитадель (рис. 5) с мощной фортификацией. По нашему мнению, которое подтверждается анализом полученных данных археологии и топографии, структура Жуантобе представляет подковообразный шахристан с оборонительной стеной, внутри которого, отделенная пустым (стерильным) пространством, находится квадратная укрепленная цитадель. Подобная четкая структура городища, видимо, свидетельствует о культовой направленности Жуантобе, в то время, как слои Караспана могут скрывать административный центр. Кроме того, все сооружения имеют единую ориентировку на один из солнечных циклов. Караспан имеет подквадратную цитадель, края которой несколько размыты, поскольку верхние слои — позднесредневековые. Однако цитадель имеет ту же ориентировку, что и цитадель Жуантобе. Основная же площадь, обнесенная длинными стенами, несет на себе печать «новой» мусульманской культуры, которая прослеживается и в системе ирригации, для вы-

¹⁷ МБАЭ. Вып. VIII, с. 43, рис. 36, 4, 8, рис. 48, 1

¹⁸ Подушкин А.Н. Сарматы в Южном Казахстане // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. — 207 с. Рис. 3, 19.

Рис. 7, 8. Кангарская скульптурка Сиявуша (?)

ращивания большого количества и объема растительной продукции¹⁹. Несколько крупных рабодов округа Караспана имеют караханидские культурные слои. Слоев же монгольского времени пока не обнаружено, как и монет этого времени, несмотря на значительное число нумизматических находок караханидского и позднесредневекового времени, что явно свидетельствует о расцвете города и округа в эти периоды. Длинная стена Караспана проходит прямо по могильнику – некрополю, состоящему из остатков семейных склепов-наусов V-VIII вв, выстроенных из сырца. Обнаружение стены в ее известных на сегодняшний момент характеристиках произошло в 2006 г, тогда же произведена и ее начальная документация и фиксация²⁰. Мощное сооружение стены не перекрывает склепы, а вбирает их с большой массой лесса. Осмысление результатов исследования длинной стены Караспана, известных данных по аналогичным сооружениям Южного Казахстана, которые, в большинстве своем, до настоящего момента не сохранились, вылились в статью²¹. В последующем, продолжение работ подтвердили наши, в большей мере, теоретические выводы и датировку этого сооружения²². Таким образом, по структуре топографии Караспан

отличается от Жуантобе, главным образом, постройками раннеисламского времени, которые сильно изменили структуру городища Караспан, а в доисламское, очевидно, эти два городища имели сходную структуру, однако отдельные части шахристана не сложились в единое кольцевое или подковообразное укрепленное внешней оборонительной стеной, строение. Из чего, казалось бы, можно сделать вывод о том, что Жуантобе в доисламское время представляло собой более значительное сооружение, следовательно, и культово-административный центр, однако требуются дальнейшие исследования и городища Караспан.

Итак, по нумизматическим данным археологический горизонт синхронен с периодом существования Омайядского халифата ~ 712-750 годы н.э., и, возможно, по мнению П.Н. Петрова, атрибутировавшего данные монеты с началом существования Аббасидского халифата в VIII веке (но не позднее 795 г.н.э.). Очевидно, что жизнь людей, населявших эти жилища, протекала в них несколько десятилетий лишь на одном уровне пола. Как мы уже писали, после ремонта стен жилищ на новом уровне строительного горизонта устраивался новый пол на более высоком уровне

¹⁹ Баитанник С.В. Остатки растений в средневековых памятниках долины р. Арысь // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Туркестан, 2006. С. 99-108.

²⁰ Железняков Б., Талеев Д. Загадка длинных стен // «NOMAD Kazakhstan» 2007, № 1(13). С. 76-81.

²¹ Железняков Б.А. Об особенностях формирования городских рабодов в IX-X вв. на юге Казахстана (городища с длинными стенами) // Известия НАН МОН РК Сер. обществ. наук. № 1 2009. С. 174-195.

²² Ергешбаев А. К вопросу о хронологии длинных стен городища Караспан (предварительные итоги) // Известия НАН МОН РК Сер. обществ. наук. № 1 2010. С. 162-168.

не. При этом планировка помещения претерпела лишь незначительные изменения, крайне редко устраивался второй выход, зачастую перемещался или устраивался дополнительный очаг, устраивалась вторая суфа и т.п. Учитывая, что на период первой половины VIII в. приходятся несколько переломных событий: распространение власти Тюркешского Каганата на территорию среднего течения Сырдарьи относится к самому началу VIII в., о чем может свидетельствовать находка монеты, скорее всего тюркешской, а на 30-е гг. приходятся военные акции Халифата. Учитывая переломный момент событий для территории Южного Казахстана, по нашему мнению, хронологические рамки существования нижнего пола 3 СГ можно сузить 2-3 десятилетиями VIII в., несмотря на возможность продления этого периода еще на несколько десятилетий с точки зрения нумизматического анализа. На эти же мысли наталкивает и тот факт, что обнаруженная во 2 СГ монета с «шагающим» львом должна была быть выпущена не позднее середины VIII в., вероятно ее хождение и в кон. VIII — нач. IX вв. — до активного процесса исламизации, начавшейся в регионе с приходом к власти династии Саманидов. Таким образом, между нижним слоем 3 СГ и 2 СГ имеется еще один верхний пол 3 СГ, в котором, пока нумизматических находок не отмечено, тем самым их должно разделять, теоретически полвека.

Весьма примечательной находкой, происходящего из того же 3 СГ, что и публикуемые монеты, однако, с его верхнего уровня пола, является терракотовая скульптурка. Ее местное происхождение практически не вызывает сомнений, поскольку это уже не первая скульптурка с городища. Имеется серия подобных антропоморфных изображений, происходящих с памятников региона средней Сырдарьи, датируемых V-VIII вв. н.э. В таком случае, по этно-культурной принадлежности ее можно связать с кангарами - кенгерсами (исходя из приведенной хронологии верхних СГ, время ее использования не позже первых десятилетий — середины VIII в. Обстоятельства находки могут также свидетельствовать о вынужденном, внезапном покидании помещения, поскольку была найдена в слое над полом без каких-либо утрат или сколов. Отметим, что

это пом. 7 (отделяемое стенкой от пом, в котором найден заваленный горшочек с рисовой кашей на углях), 3 СГ, верхний горизонт. Однако следов пожара в этих помещениях не обнаружено, очевидно, произошло разрушение стен (ы). Из этой же серии и более ранние находки антропоморфной скульптурки и иконки с Жуантобе. По антропологической принадлежности, образ, запечатленный в скульптурке, в отличие от хорошо известного, куйрыктобинского пантеона на резном дереве, относится к иранской группе. Мужское антропоморфное изображение - бюст размерами 6,9x5,8x4 см. Скульптурка представляет собой стилизованное изображение головки, уплощенной в ее тыльной стороне, с рельефным лицом и переданным в весьма схематичной манере. Исходя из имеющихся, аналогов, происходящих из соседних регионов, с преимущественно оседлой культурой, логично предположить, что в основе образа, запечатленного в скульптурке, лежит идеализированный образ царя или мифологизированного предка, возможно, мифологизированного родоначальника династии, что характерно для региона Ирана — Турана в целом. Царь представал перед нами во всем великолепии: красивые, правильные черты лица, пресыщенность жизнью, самодовольство, высокомерие — его характерные собирательные черты. В этом скульптурном изображении эти качества просматриваются, конечно же, с определенным допущением, но очевидно, что мастер пытался придать подобные черты своему образу, имея перед собой подобные аналоги. В согдийском искусстве к этому времени имеются примеры реалистичной портретной или социальной характеристики, например, царственные персоны могли быть изображенными с венцом в виде протомы животного, то в «сасанидской» короне, наряду с человеком неизвестного ранга без головного убора²³. В регионах к северо-востоку, северу от Согда подобные изделия появляются с V в., о чем писала, в частности, В.Д. Горячева.

Антропоморфные изображения всегда привлекали исследователей. По материалам раскопок памятников Джетыясарской культуры Л.М. Левина выделяла три вида антропоморфных скульптурок: бронзовые скульптурки, примитивные изображения идолов и рельефные налеты на керамических сосудах²⁴. Жуантобинская коропа-

²³ Мешкерис В.А. Терракоты и монументальное искусство Согда // Искусство таджикского народа. Душанбе, 1979. С. 14.

²⁴ Левина Л.М., 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре // История, археология и этнографии Средней Азии М., 1968. — С. 167-178.

стика несколько сложнее, несмотря на отсутствие в ней бронзовых фигурок, которые, видимо, восходят к традиции антропоморфных наскальных изображений и относятся к периодам, предшествовавшим возникновению этой культуры. Некоторое число идолов и налепов на сосудах, а также иконка, происходящая с Жуантобе, скульптурные изображения. В целом, наблюдается общая закономерность, если в регионе бассейна р. Арысь в первых — V веках н.э. наблюдается общая для региона изобразительная антропоморфная традиция: налепы на керамике, прочерченные антропоморфные и зооморфные существа на сосудах, имеющие своими истоками наскальное искусство предыдущих поколений, то в раннесредневековое время появляется в полном смысле искусство коропластики.

В нашем случае, в грубо выделанных чертах кочевого предводителя — мифического родоначальника династии или божества, мы видим повязанный в несколько рядов кочевнический головной убор, полные аналоги которому пока не найдены, но некоторые имеются в работах С.А. Яценко. Наиболее близкие аналогии нашему скульптурному изображению были найдены в Самарканде и датируются VII в. Две подобных самаркандских скульптурки интерпретируются по Л.И. Ремпелью как Митра — Сиявуш, представлявший вековым образом и мифологическим героем у народов приграничья Ирана-Турана²⁵.

Детали и черты лица выделаны схематично; характерную иранскую, скорее даже туранскую (кангюйскую), о чем можно судить, в том числе и судя по аналогиям, в частности, антропоморфному изображению на погребушке с Куйрыктобе (X–XI вв.)²⁶ принадлежность выдает высокий — «ото лба» нос. Кроме того, облик близок к изображению мужского профиля на кувшине из Ферганы²⁷ (прослеживаются такие черты, как брови

до виска, относительная массивность (выраженность) нижней челюсти и т.д.). Также можно выделить находку фрагмента столового сосуда с антропоморфным позитивным рифленным налепом, которому также имеются аналогии на городищах Алтынтобе²⁸ и на Сидаке²⁹.

Характерна свисающая с правого уха массивная кольцевидная серьга. Очевидно, что подобные «мужские» серьги были популярны в свое время в регионе, с распространенной преимущественно кочевой культурой. Подобный особый знак-украшение был обнаружен в захоронениях, относящихся к IV–VI вв. на ближайшем некрополе³⁰, известны по изображениям на монетах, тюркских изваяниях, а также обнаружено на городище Шымкент в слоях IV–V вв.³¹. Таким образом, по перечисленным археологическим источникам в регионе Средней Сырдарьи серьги известны, как минимум, в промежутке IV–VII вв., при этом понятно, что серьга являлась вполне характерным «культовым» кангюйским атрибутом в гораздо более широкий хронологический промежуток, пусть даже в виде грубой подвески в форме гири³². Некоторые аналогии просматриваются в терракотовой головке сасанидского царя, хранящейся в Эрмитаже³³.

Публикуемый в статье материал характеризует 3 СГ городища Жуантобе. Керамический материал слоя, безусловно, значительно богаче, представленного в этой статье. Из всего комплекса выбраны наиболее репрезентативные сосуды, целые, характеризующие форму, орнаменты, одну из многих тамг, культовые предметы (курильница, скульптурка и т.д.). Среди датирующего материала этого слоя выбран нумизматический, наиболее вероятно, тюркешская монета, синхронная с зольной прослойкой по центру этого горизонта, датируется периодом первой трети — второй четвертью VIII в. Кроме того, с учетом

²⁵ Ремпель Л.И. Цепь времен. Ташкент, 1987. С. 122.

²⁶ Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе — город Кедер. Алматы, 2005. С. 163.

²⁷ Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М., 1982. С. 126, рис. 65.

²⁸ Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. — VI в. н.э. Туркестан, 2000. С. 42.

²⁹ Смагулов Е.А., Яценко С.А. Тамги и рисунки на керамике городища Сидак на средней Сырдарье // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье // Туркестан, 2006. С. 265.

³⁰ Байпаков К.М., К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005. 224 с.

³¹ Байтанаев Б.А. Древний и средневековый Испиджаб // Диссертация на соискание ученой степени ДИН, рукопись. Шымкент, 2008. С. 147.

³² Ержигитова А.А. Отчет по работам на Борижарском могильнике за 2005 г. Рукопись в архиве ИА.

³³ Мешикерис В.А. Терракоты и монументальное искусство Согда // Искусство таджикского народа. Душанбе, 1979. С. 15.

всех доступных данных стратиграфии, (тюркешских) монет, найденных во 2 СГ, доступных к анализу датировок верхнего, практически развешанного горизонта. Сасанидские и арабо-сасанидские монеты найдены в помещении, на нижнем уровне пола 3 СГ, учитывая возможность поздних перечеканов — подделок оригиналов могут быть датированы как концом VII в., так и не позже начала-середины второй трети VIII в., что совпадает с первой датировкой. На этот период приходятся переломные события в регионе Средней Сырдарьи, отразившиеся в 3 СГ Жуантобе. Однако, полноценный 2 и разрушенный и развешанный верхний горизонт, свидетельствуют о том, что жизнь на городище продолжалась еще, как минимум, несколько десятилетий, вполне, очевидно до начала IX в.

Резюме

2009 ж. далалық жұмыстары барысында Жуантөбе қала-жұртының цитаделінен тұрғындардың ертеортағасырлық кезеңі мәдениетін сипаттайтын материалдар алынды. Қыш және сәулет өнерінің аса бай материалдарымен қатар, бұл өңірге сирек жайт болып табылатын нумизматикалық материалдар табылды. Оңтүстік Қазақстанның көптеген ертеортағасырлық ескерткіштеріне тән секілді, Жуантөбе қала-жұртын зерттеудегі басты мәселелердің бірі — ескерткіштің мәдени қабаттарында теңгелердің сирек ұшырасуы. Осы себепті құрылыс горизонттарын мерзімдеу шартты болып табылады. Осылайша, ескерткіштің үш қатар беткі қабаты негізінен қыш

материалдар негізінде мерзімделген. Өйткені тұрғын жайлардың архитектурасы тұрақты болып келеді. Үшінші горизонттың қазылған екі-үш тұрғын жайларынан қираған іздер нақты белгіленді. Бұл өз кезегінде, бұл қабатты сенімді түрде мерзімдеуде нақты осы тарихи оқиғамен байланыстыруға мүмкіндік береді.

Нумизматикалық деректерге қарағанда, үшінші құрылыс горизонты, П.Н. Петровтың пікірі бойынша, Омайад халифатының (б.з. 712–750 жж.) билік құрған кезеңімен байланысты. Сонымен бірге, VIII ғ. аббасидтер халифаты (б.з. 795 жылдан ерте емес) билігінің бастапқы кезеңімен де байланыстылығын жоққа шығаруға болмайды.

Summary

In the field season of 2009 during excavation of the citadel of the Ancient and Early medieval site of Juantobe was received some materials that characterize the culture of its inhabitants of the Early medieval period. Besides of the ceramic and another different type of archaeological material it so happened that numismatic materials relatively rare. One of the most important questions in studying of site of Juantobe and also the most of monuments of Early Medieval period is the rareness of finds of coins in the cultural levels of this period. By this reason the dating of the cultural level still relatively not exact. Often this cultural levels dated only by ceramic analysis, because architecture of dwellings was much more conservative. In part of premises it was fixed traces of destructions.

So, the third construction level of the citadel of Juantobe site, by numismatic data, by the conclusion of P.N. Petrov can be attributed to the period of Omayyad Caliphate ~ 712-750, but also attribute with Abbasid Caliphate in VIII century but not later than 795 AD.